

Н. М. Карамзин

Евгений и Юлия

Русская истинная повесть

Русская сентиментальная повесть.

М., Издательство Московского университета, 1979

Составление, общая редакция и комментарии П. А. Орлова.

OCR Бычков М. Н.

Cesseez et retenez ces clameurs lamentables
Faible soulagement aux maux des misérables!
Flechissons sous un Dieu, que veut nous éprouver,
Oui d'un mot peut nous perdre, et d'un mot nous sauver! {*}
{* Удержите и прекратите ваши жалобные вопли,
Слабое утешение в беде всех несчастных!
Покоримся богу, который хочет нас испытать,
Который единым словом может нас погубить или спасти! (франц.)}

Госпожа Л*, проводшая все время своей молодости в Москве, удалилась наконец в деревню и жила там почти в совершенном уединении, утешаясь своею воспитанницею, дочерью покойной ее приятельницы, которая в последний час жизни своей, пожав ее руку, сказала: "Будь матерью моею Юлии!"

Подобно тихой прозрачной реке текла мирная жизнь их, струившаяся невинными удовольствиями и чистыми радостями. Праздность и скука, которые угнетают многих деревенских жителей, не смели к ним приблизиться. Они всегда чем-нибудь занимались; сердце и разум их были всегда в действии. Едва мрачные ночные тени исчезать начинали, едва румяный свет зари начинал разливаться по воздуху, госпожа Л*, пробуждаясь вместе с природою, нежными ласками прерывала покойный сон Юлии и призывала ее пользоваться приятностями утра. Обнявшись, выходили они из дому, дожидались солнца, сидя на высоком холме, и встречали его с благословением. Насладясь сим великолепным зрелищем природы, возвращались они домой с чувством веселия, ходили по саду, осматривали цветы, любовались их освеженною красотою и питались амброзическими испарениями. Госпожа Л*, посмотрев на пышную розу, часто с улыбкою обращала взор свой на Юлию, находя между ими великое сходство. Но Юлия любила более всех цветов фиалку. "Миленький цветочек! -- говаривала она, прикасаясь нежными устами своими к се листочкам.-- Миленький цветочек! Напрасно скрываешься в густоте травы: я везде найду тебя". Говоря сие, клялась внутренне быть всегда смиренною подобно любезной своей фиалочке. После обеда хаживали они смотреть полевые работы поселян, которые в присутствии их трудились с радостью. Вечер приносил с собою новые удовольствия. Смотрели на заходящее солнце, смотрели, как кроткие овечки при звуках пастушеской свирели бегут домой, блеют и прыгают, как утружденные поселяне один за другим возвращаются в деревню, и слушали, как они, быв довольны успехом работ своих, в простых песнях благословляют мать-натуру и участь свою.

Когда же наступала пасмурная осень и густым мраком все творение покрывала или свирепая зима, от севера несущаяся, потрясала мир; бурями своими, когда в нежное Юлино сердце вкрадывалась томная меланхолия и тихими вздохами колебала грудь ее, тогда брались *щ* книги, бессмертные творения истинных философов, писавших для пользы рода человеческого, тогда читали и перечитывали письма любезного Евгения, сына госпожи Л*, учившегося в чужих краях. Иногда при чтении сих писем глаза Юлины наполнялись слезами, приятными слезами любви и почтения к благоразумному и добросердечному юноше. "Ах! Когда он к нам приедет? -- часто говаривала госпожа Л*.-- Как счастлива буду я, когда его увижу, прижму к своему сердцу и тебя вместе с ним, Юлия!"

Так текли месяцы и годы. Настало время, в которое молодому Л* надлежало возвратиться в отечество и в объятия своей матери. Всякий день ждали его, и все о нем говорили. Гуляя по цветущим лугам -- тогда было еще начало лета,-- беспрестанно посматривали на большую дорогу. Когда поднималась вдали Пыль, сердца, ожиданием томимые, трепетать начинали. Прогуливались долее